

«Я из деревни»

К вопросу о самосознании белорусов

Сергей ХОДИН,
кандидат исторических наук, доцент

Историческая память народа обеспечивает сохранение традиций и является фактором стабильности общества. Ее изучение возможно не только на основе монографий и статей по исторической проблематике и устоявшемуся отношению общества к прошлому. Историческая память проявляется также в привычках, обычаях и фокусирует сознание о былом через настоящее и ожидаемое будущее.

Одним из специфических массовых источников информации сегодня является Интернет, внимательное изучение которого позволяет увидеть если не закономерности, то некоторые тенденции формирования общественного сознания. Сообщения, с которыми мы обращаемся к окружающим, нередко претерпевают изменения в зависимости от их возможной реакции. Интернет через обезличивание информации (например, в комментариях) создает (условную, конечно) среду, в которой автор рассчитывает на более свободное изложение своих мыслей по поводу того или иного события. Исполнение белорусской школьницей Ксенией Дегелько песни «Я из деревни», нелюбимые для белорусов высказывания российского футбольного

комментатора Уткина послужили безусловным толчком к новому этапу обсуждения «деревенской» проблематики интернет-сообществом. Подобного рода «дискуссии» можно было бы оставить публицистам, если бы не проблемы, возникающие в историографии. Ее опосредованное влияние на общественные процессы состоит в том, рассматривая и оценивая прошлое через призму настоящего, а настоящее как результат предыдущего развития, историческое сознание воспринимает будущее как проекцию реальных, конкретных процессов и тенденций, действующих сегодня.

Критичность историографии рубежа XX–XXI веков, переосмысление аграрной истории привели к деформации в массовом сознании представлений о важнейших этапах развития нашего общества. Негативное значение слов «колхозники», «деревня», проявляющееся, прежде всего, в молодежной среде, является свидетельством данного факта. Можно утверждать, что у предшествующих поколений подобного рода оценки формировались в силу несколько иных факторов: стремительности урбанизации, недостаточного знания истории периода Великого Княжества Литовского, а также под влиянием марксистского представления о сущности крестьянства и политики государства по отношению к деревне.

В конце 1950-х годов городское население БССР по численности превысило сельское. Но по-настоящему стремительные процессы урбанизации проявились в 1960–1970-е годы. Деревня быстро «старела», попытки остановить негативную тенденцию путем выделения «перспективных»

ОБ АВТОРЕ

ХОДИН Сергей Николаевич.

Родился в 1963 году в д. Путчино Дзержинского района Минской области. Окончил Белорусский государственный университет по специальности «История» (1985), Минский государственный лингвистический университет (1996). Работал учителем истории Докторовицкой СШ Копыльского района. С 1986 года заочно учился в аспирантуре. В 1988 году с должности директора школы переведен в Белорусский государственный университет на кафедру истории БССР преподавателем. С 1992 года – доцент кафедры истории Беларуси, с 1995 года – доцент кафедры источниковедения и музееведения исторического факультета Белорусского государственного университета. В 2000 году назначен деканом исторического факультета БГУ. С 2001 года одновременно заведует кафедрой источниковедения. Кандидат исторических наук (1990), доцент (1992). Автор около 140 публикаций, 12 учебных пособий (10 в соавторстве) по теории и истории источниковедения, источниковедению истории Беларуси. Сфера научных интересов: история крестьянства; социальная психология; этносоциальные и демографические процессы; источниковедение.

деревень только усложняли ситуацию. Критические оценки уровня городской культуры формировали у сельчан определенные социальные комплексы. Маргинальная среда, создаваемая за счет выходцев из деревни, безусловно, внесла много нового в культуру городского жителя. Прежде всего – это новый тип экономического поведения. С детства привыкший к тяжелому физическому, монотонному труду, сельчанин, переезжая в город, не испытывал существенных неудобств от низкого уровня механизации производства. Большое количество рабочих рук, привлеченных в сферу промышленности, позволяло использовать это как серьезный фактор не только экстенсивного роста, но и интенсификации труда. Восьмая пятилетка (1966–1970 годы) в БССР явилась одной из самых успешных, хотя, возможно, и несопоставимой по результатам с так называемым «японским чудом». Исторически сформировавшееся трудолюбие белорусских сельчан, их привычка мириться с тяготами жизни, долготерпение и толерантность уже в 1970–1980-х годах вызвали критические оценки у тех, кто быстрее адаптировался к динамике городской жизни. Особенно заметной эта тенденция стала в эпоху «перестройки», когда крестьянский консерватизм, проникший, в том числе, в партийную среду, явился предметом довольно жесткой критики из центра. Такого плана подходы и сейчас можно встретить в электронных СМИ [1].

Историографический «разлом», определившийся в центральной прессе уже с

середины 1980-х годов, стал трагедией не только для учителей истории, не знавших, о чем спрашивать на экзаменах. Ведь устойчивость исторического сознания – важнейший показатель социальной стабильности. Большинство исследователей склоняются к мнению, что основной причиной распада СССР явились причины внутреннего порядка. Историко-публицистический бум и последовавшие затем процессы, спровоцированные крушением страны, сформировали ситуацию идейного кризиса у подрастающих поколений. В результате внимание значительной части белорусской интеллигенции, как активного носителя национальной идеи, обратилось к далекому прошлому и вылилось, прежде всего, в героизацию эпохи Великого Княжества Литовского. Пластичность исторического сознания в переходный период, противоречивость происходящих тогда процессов существенно подпитывали почву как для развития существовавших, так и возникновения новых социальных мифов, в том числе на историческом материале.

Новое поколение историков, выросшее в городской среде, впитавшее через привитые социальные комплексы представление об отсталости деревни, искало более новые (и модные) объекты исследования. Героизация шляхты как служилого сословия, идеализация правовых документов периода ВКЛ оставляли в стороне земледельческую составляющую занятий этого господствующего сословия. В некоторых работах, например в книге А.И. Мальдиса «Беларусь в зеркале

мемуарной литературы», отмечалось, что в XVIII веке преобладающая часть шляхты обеднела и сама вела свое хозяйство. Однако подобного рода информация оставалась как бы вне фокуса общественного сознания. Между тем шляхта действительно не только не чуждалась своих земледельческих занятий, но и гордилась этим.

Необходимо отметить еще одну мифологию, сформированную для многих поколений советских людей через учебники истории. Историки-марксисты видели борьбу классов и в древнем обществе. В действительности же раб мог быть богаче рабовладельца. Водораздел проходил в другом направлении. Земля и свобода – именно это единство характеризовало патрицию. Мы можем наблюдать один из уникальных для европейской традиции случаев, когда легендарная составляющая оказала влияние на право. В частности, в Статуте ВКЛ 1588 года имеется обширный третий раздел, закрепляющий вольности шляхетские, вплоть до возможности отъезда в другие страны при сохранении имения. Вместе с тем два артикула (17 и 18) явно противоречат общему духу вольностей. Они устанавливают, что шляхтич теряет свои права, если начинает заниматься ремеслом и торговлей [2, с. 362]. Шляхетское сословие было довольно многочисленным, составляя в отдельные периоды до 9 % населения. «Разбор шляхты», проведенный российскими властями после восстания 1830–1831 годов, уменьшил количество шляхты по правам, но не по чести.

Руководство Российской империи, пытаясь противопоставить ополяченной шляхте православное крестьянство, сделало ставку именно на него. И эффективность такой политики, выразившуюся в росте монархических настроений у крестьянской части населения, в Беларуси не заметить нельзя. Значительно более успешно, нежели в других регионах империи, в белорусских губерниях была проведена Столыпинская аграрная реформа [3]. Идея подобных преобразований возникла у П.А. Столыпина в бытность гродненским губернатором. И все же, когда Т.С. Протьюко называет главу своей работы, посвященной периоду 1917–1941 годов, «Уничтожение прав и свобод личности» [4], хочется в большей степени уточнить, какие права и свободы имело крестьянство в Российской империи.

Еще более интересным представляется вопрос: какие приобретенные в этот период права на национальное развитие потеряли белорусские крестьяне? И не только они.

Стремление к черно-белой истории в нашем сознании почему-то неистребимо. Революцию в Российской империи начали не большевики. С 1902 года крестьянские погромы охватили ряд губерний России, и «на историческую сцену открыто выступил новый крестьянин – крестьянин эпохи революции» [5]. Нельзя не отметить и ошибочность распространенной точки зрения, что большевики ввели продразверстку. Такие меры реализовывались уже с декабря 1916 года, при этом к хлебным поставкам обязывались незерновые губернии: в хлебопроизводящих районах разверстка оказалась непосильной для крестьянских хозяйств. Временное правительство, преследуя отнюдь не крестьянские интересы, безуспешно пыталось реализовать закон от 25 марта 1917 года «О передаче хлеба в распоряжение государства». Большевики же лишь осуществили продразверстку на деле, расколов деревню и жестоко подавив сопротивление значительной части крестьянства. Известный советолог Н. Верт в одной из своих книг, изданных для рус-

скоязычного читателя, даже вынужден был обратить внимание на распространенную «моду» противопоставлять события до и после октября 1917 года [6, с. 22]. Отрицание известного историко-генетического метода, когда изучаемые явления определенного периода отрываются от предыдущего этапа развития, приводит читателя к выводу, что все они возникли впервые. Впрочем, из подобного рода публикаций книга Т.С. Протьюко, пожалуй, одна из самых фундаментальных.

Историки неоднократно меняли вектор оценок общественного развития и в XXI, и еще ранее – в XX веке. Некоторые из них даже считают кардинальный пересмотр своих концепций и подходов доказательством гибкости мышления и отсутствия догматизма. Как бы то ни было, подобного рода «повороты» явно не способствуют авторитету исторической науки и подталкивают молодое поколение то к новым концепциям постструктуралистского толка, то к поиску «альтернативных» источников, а то и вовсе к отрицанию самой исторической науки как таковой. В этом отношении этап развития историографии рубежа 1980–1990-х годов – один из самых примечательных, в том числе по отношению к истории деревни. Очерчивая его особенности, прежде всего следует отметить две из них: нарастающее со временем противопоставление предыдущему этапу и опережающее влияние публицистики. Журналисты, литераторы и очень схожие с ними по мировоззрению историки, используя публицистические формы и периодическую печать, как бы пытались опередить друг друга в радикальной переоценке прошлого. Возможность доступа к ранее недоступным фондам, сборам и материалам воздействовала на них как дух свободы на профессора Плейшнера в фильме «Семнадцать мгновений весны». Многие и не заметили, как перешли черту, за которой наука перестает существовать. Ведь любые исторические источники – это прежде всего источники, а не скрытая правда истории.

В ряде случаев историки-публицисты даже не утруждали себя поиском фактов, а просто меняли предыдущие оценки событий на противоположные. Наркома земледелия БССР (1925–1929) Д.Ф. Прищепова уже не обвиняли в насаждении хуторов, а видели в его деятельности заботу о развитии фермерских хозяйств. При этом дока-

зательства подобных намерений наркома искали в Перспективном плане развития сельского и лесного хозяйства БССР на 1925/26 – 1929/30 гг. (хозяйственный год начинался с 1 сентября). Подготовленная автором статья «Вернуться к цветному изображению: еще раз о наркоме Д.Ф. Прищепове» [7] два года предлагалась различным изданиям, но ее содержание (ни «черное», ни «белое») не устраивало противостоящие стороны. Лишь в 1991 году статью напечатали в «Политическом собеседнике», буквально накануне закрытия этого издания. Впрочем, если посмотреть данный сюжет в книге Т.С. Протьюко, то окажется, что ничего с того времени и не изменилось [4, с. 531].

Публицистика как форма представления информации всегда требует от научного сообщества каких-либо однозначных ответов и выводов. В результате тиражируется литература, которая отвечает требуемым запросам. Интернет-возможности способствуют многократному усилению такого рода тенденции. В последние годы количество работ белорусских исследователей по истории крестьянства вообще и межвоенного (1921–1939 годов) периода в частности стремительно уменьшается. Монографии М.А. Беспалой [8], М.П. Костюка [9], А.Н. Сорокина [10] стали, пожалуй, последними значительными исследованиями проблемы. Одной из причин этого, на наш взгляд, является некое незримо существующее убеждение, что все точки над «i» уже расставлены: большевики прервали нормальный ход развития Российской империи; они забрали у крестьян все права, землю, навязали нежизнеспособные формы организации хозяйства – коммуны, колхозы. Согласимся, даже у непосвященного читателя продолжение подобных бездоказательных утверждений начинает вызывать если не отторжение, то, как минимум, вопросы. К примеру, куда исчезли коммуны? Такой вопрос, кстати, в свое время подвигнул автора статьи к избранию данной темы в качестве дипломной работы. Было очень интересно, почему в «капиталистическом» Израиле подобного рода киббуцное движение успешно развивается, а в строящем коммунистическом обществе Советском Союзе коммуны не нашли поддержки. Вопрос оказался не столь однозначным, как и ответы на него. Кроме того, по мнению

ряда известных историков (В.П. Данилова, В.В. Кабанова и др.), там, где существовала община, нельзя оставлять за пределами рассмотрения коллективистские устремления деревни. «Коллективистское движение в сельском хозяйстве дореволюционной России, как целостная научная проблема, еще не исследовано», – писал В.П. Данилов во введении к пятитомному изданию «Трагедия советской деревни...» [11, с. 14].

Спорно также рассматривать новую экономическую политику с X съезда РКП(б). Призывы сделать ставку на единоличное крестьянство от руководителя большевистской партии и правительства прозвучали еще в конце декабря 1920 года на VIII Всероссийском съезде Советов. Подытоживая трехлетний опыт отношений с крестьянством, В.И. Ленин подчеркнул: «Надо опираться на единоличного крестьянина, он таков и в ближайшее время иным не будет, и мечтать о переходе к социализму и коллективизации не приходится» [12, с. 179]. Весной 1921 года «первым практическим шагом» новой экономической политики стала замена продразверстки продналогом. Значимость этого мероприятия не была оценена крестьянством БССР в условиях, когда продналог оказался больше продразверстки. Конечно, продналог создавал перспективы. Но когда крестьянство верило обещаниям? В советской же историографии X съезд принято считать начальной точкой лишь по той причине, что только партия должна была принять важнейшие решения по всем вопросам. Сохранившийся в Российском государственном архиве экономики отчет Наркомзема 1922 года в качестве границы выделяемого периода развития X съезд РКП(б) не упоминает вообще [13]. А если оставлять март 1921 года как точку отсчета, то нужно говорить о системе новой экономической политики, а система никогда не формируется одномоментно. Таким образом, спорных, остающихся без ответа вопросов вполне достаточно для новых поколений историков.

Сегодня ни один редактор солидного издания уже не скажет, как это было на рубеже 1980–1990-х годов, что «колхозы – вчерашний день». Однако немалое число молодых людей считают их элементом командно-административной системы и вне этой системы – бесперспективной моделью. Кроме того, негативные явления

насильственной коллективизации нередко экстраполируются и на коллективные формы хозяйствования, образованные в ходе таких процессов. Абсолютно пунктирно заметим: социальные издержки многих реформ (скажем Петра I, промышленной революции в Англии по отношению к крестьянству и др.) являлись чрезвычайно значительными, но не всегда определяли негативную оценку самих преобразований и их результата. В проведенном в кандидатской диссертации исследовании нами утверждалось: коллективизация, осуществленная в столь сжатые сроки в форме сельхозартели, нанесла непоправимый ущерб и судьбам людей, и сельхозпроизводству Беларуси [14]. В середине 1920-х годов в БССР усилилась специализация сельского хозяйства в направлении мясо-молочного животноводства и технических культур. Тракторная техника, если и демонстрировала тогда преимущества крупного производства, то исключительно в зерновых регионах. Теоретики кооперативного движения 1920-х годов писали, что там, где преобладают биологические процессы, где важно, прежде всего, отношение крестьянина к труду, преимущества коллективного хозяйствования проявляются в незначительной степени [15; 16; 17]. Но за столетие изменились и организационные формы крупных коллективных хозяйств, и их техническое оснащение. Не только в 1920-е годы, но и в конце 1980-х было сложно предвидеть, что компьютерная техника будет регулировать кормление и доение коров. Стали явью и другие нереальные для того времени проекты, рожденные преобразованиями (агророгодки и др.). В настоящее время в Беларуси идет и развитие фермерских хозяйств, однако основной акцент делается на крупное производство, прежде всего в сфере мясо-молочного животноводства.

Очень точно выразил историчность устанавливаемых оценок Ф. Энгельс, когда писал Э. Пизу: «Партия, к которой я принадлежу, не выдвигает раз и навсегда готовых предположений. Наши взгляды... являются точными выводами из исторических фактов развития и вне связи с этими фактами и процессами не имеют никакой теоретической и практической ценности» [18, с. 363–364]. Это явно выглядит уточнением выражения К. Маркса об «идиотизме деревенской жизни» [19, с. 428]. Рожденные

в XXI веке граждане также не должны отождествлять колхозников с прошлыми ошибками и технической отсталостью. Мы уже имеем пример всеобщей «фермеризации» в России, которая привела к падению производства, социальному расслоению и сопровождалась выдавливанием из сельского хозяйства значительной массы тружеников, терявших одновременно и землю, и работу [20, с. 643–652]. Независимая аграрная политика, о которой Д.Ф. Прищепов только мечтал в 1920-е годы, в Беларуси середины 1990-х предотвратила новую «революцию сверху».

ЛИТЕРАТУРА

1. Радов, Н. Белорусская деревня – прошлое в настоящем / Н. Радов // REGNUM-Беларусь. Новости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belarus.regnum.ru/news/1529180.html>. – Дата доступа: 14.10.2013.
2. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Даведнік. Каментарыі / Беларус. Сав. Энцикл.; рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелСЭ, 1989.
3. Липинский, Л.П. Столыпинская аграрная реформа в Белоруссии / Л.П. Липинский. – Минск, 1978.
4. Протьюко, Т.С. Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917–1941 гг.) / Т.С. Протьюко. – Минск: Тесей, 2002. – 688 с.
5. Данилов, В.П. Крестьянская революция в России. 1902–1922 / В.П. Данилов // Крестьяне и власть: материалы конференции. – М.; Тамбов, 1996. – С. 4–23.
6. Верт, Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система / Н. Верт; пер. с фр. А.А. Пешкова. – М.: РОССПЭН, 2010. – 447 с.
7. Ходин, С.Н. Вернуться к цветному изображению: еще раз о наркомке Д.Ф. Прищепове / С.Н. Ходин // Политический собеседник. – 1991. – № 2. – С. 12–15.
8. Бяспалая, М.А. Эканамічнае і сацыякультурнае развіццё беларускай вёскі ў гады нэпа (1921–1927) / М.А. Бяспалая. – Мінск: Бел. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў, 2009. – 325 с.
9. Касцюк, М.П. Бальшавіцкая сістэма ўлады на Беларусі / М.П. Касцюк. – Мінск, 2000.
10. Сарокін, А.М. На ростанях айчынай гісторыі. Беларуская вёска: Ад Дэкрэта да Коджэска аб зямлі (1917–1990-я гады) / А.М. Сарокін. – Мінск, 1999.
11. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. 1927–1939: в 5 т. – Т. 1: Май 1927 – ноябрь 1929. – М., 1999.
12. Ленин, В.И. Полн. собр. соч.: т. 1–55 / В.И. Ленин. – 5-е изд. – Т. 42. – М.: Политиздат, 1970.
13. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Фонд 478. – Оп. 1. – Д. 851.
14. Ходин, С.Н. Колхозное строительство в Белорусской ССР в 1921 – первой половине 1929 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / С.Н. Ходин; Бел. гос. университет. – Минск, 1990.
15. Чаянов, А.В. Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации / А.В. Чаянов. – М., 1919.
16. Макаров, Н.П. Рыночное молочное хозяйство и кооперация / Н.П. Макаров. – М.–Л., 1926.
17. Челинцев, А.Н. Сельскохозяйственные районы, порайонные перспективы сельского хозяйства и направление мероприятий сельскохозяйственной политики / А.Н. Челинцев // Материалы к перспективному плану развития сельского и лесного хозяйства на 1928/29 – 1932/33 гг. – М., 1927.
18. Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения: т. 1–50 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – Т. 36. – М.: Политиздат, 1964.
19. Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения: т. 1–50 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – Т. 4. – М.: Политиздат, 1955.
20. Данилов, В.П. Судьбы сельского хозяйства в России (1861–2001) / В.П. Данилов // История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2 ч. – Ч. 2. – М.: РОССПЭН, 2011. – 831 с.

В белорусской историографии советской деревни нередко выделяют течения, сформировавшиеся на рубеже XX–XXI веков: консервативное, радикальное и т.н. «конструктивное». Представители каждого из них претендуют на свою «правду в истории». Предпочтение, на наш взгляд, стоит отдать тем авторам, которые прекрасно знали источники, изучаемый период, обладали широким кругозором и большим жизненным опытом. Из известных советских историков это В.П. Данилов, из белорусских – Р.П. Платонов и Н.С. Сташкевич. Одновременно хотелось бы подчеркнуть: научные труды являются для историка специфическим (историографическим), но все же источником. Условия (политические, социальные и др.) создания историографического источника, информация о месте создания, времени, авторе здесь также важны. Когда мы научимся относиться к историческому исследованию как к источнику, то некая смена концепций, происходящая под влиянием изменившихся условий, будет рассматриваться не как крах истории вообще, а как смена одной парадигмы другой. Представляется, что это никоим образом не отразится на авторитете науки истории. Ведь проведенное на основе научного подхода историческое исследование содержит определенные критерии научности: обоснованность выводов, доказательность, подчиненность цели исследования, профессиональный анализ источников. Не случайно мы говорим о введении (а не вбрасывании) новых источников в научный оборот. И если взять, к примеру, литературу о репрессиях по отношению к крестьянству, то подобные исследования связаны с анализом очень сложных по своим характеристикам источников. Поэтому часть исследователей отбрасывает их как сфальсифицированные, другая же воспринимает их как обычный фактологический материал для освещения «белых пятен истории».

Впрочем, это уже тема другого исследования. Констатируем лишь то, что белорусские историки в неоплатном долгу перед нашим крестьянством. Ведь именно деревня, сельчане долгое время были (и остаются) носителями традиции, богатой и своеобразной культуры. Не изучая крестьянство, его историю, мы не сможем понять себя как народ, нацию. ▀